

ИНГА ГАРУЧАВА,
СВЕТЛАНА СТЕПАНОВА

ЧУЖИЕ

Действующие лица

Он } супруги.
Она }

Большая комната в современной стандартной квартире. В центре комнаты выдвинут на середину полунакрытый стол. Посуда, бутылки, не нашедшие пока себе еще места в строгом праздничном порядке. На стульях и на полу подносы с едой.

Он (*разговаривает по телефону, стоя посередине комнаты, там, где застал его телефонный звонок*). Еще не пришла. Как всегда, в театре на торжественной части... Да, и немцы какие-то из ГДР. Она же к ним весной на завод ездила. Позже? Звоните позже. (*Кладет трубку, смотрит перед собой, будто собирается с духом или мыслями.*)

Снова звонит телефон.

Да... Ее нет. Наверно, на работе. Ну, попробуйте по рабочему телефону. (*Кладет трубку, намеревается набрать номер.*)

Телефон звонит опять.

(*Уже раздраженно.*) Да!.. (*После паузы.*) А, это ты... Привет!.. Не пробьешься, точно! Весь город! Надо же отметить в праздник у начальства. Особенно, ежели оно женщина. Начальство — женщина. Баба!.. Да!.. Как всегда, один с телевизором. Они?.. Заседают. Да, на торжественной части. Я?.. Бреюсь. Тоже для торжественности... Ничего не надо. Стол и так ломится. Целый день заказы таскают! И где только берут?! Станный? Не понял. Как раз сегодня совсем даже наоборот. Нет, выздоровел... А когда хотите. Как соберетесь.

Звонок в дверь.

Подожди! Дверь открою. *(Выходит.)*

Слышны голоса.

(Возвращается к телефону.) Опять принесли!.. Не знаю. Придешь, увидишь. Нет! Не спрячем. Привет!.. *(Вешает трубку и, тут же подняв ее, начинает набирать номер. Тихо.)* Это я... Еще нет. С минуты на минуту. Тебе не быть на моем месте, как и мне на твоём... Об этом потом, у нас с тобой будет время обо всем... Я люблю тебя... Нет, не быстрый, я всю жизнь к тебе продирался. Ну, к такой, как ты. Да не смейся же ты! Это не смешно! Не кричу я! Почему? Я не могу больше ждать, не хочу. Кто кричит? Я тихо... Почему не сегодня? А какое всем дело? Пусть узнают все! Весь город? А когда? Когда! Мне столько лет уже было стыдно! Мне сейчас не стыдно. Я люблю тебя! Громко? Хочешь еще громче? Хочешь, окно открою и на весь город кри..? Почему не хочешь?

Пауза.

Может, ты вообще ничего не хочешь? Больше не хочешь? Не надо бояться, у меня хватит сил на двоих. Я охраню тебя, защищу, я научу тебя ничего не бояться. *(Слушает.)* Я обо всем подумал. У меня было время. Ух, сколько его у меня было!.. Воз и телега. Сорок лет одиночества. Нет, я не цитирую. Я не знаю, о какой книге ты говоришь. Я серый, серый я. Совершенно. Да, тебе предстоит покрасить меня во все цвета. В какой хочешь. Я на любой согласен. Еду. Сейчас. Сию минуту! Ничего не хочу слышать! Потом скажешь. Не по телефону! Еду! *(Бросает трубку, срывается с места.)*

Снова звонок. Он хватает трубку, не слушая.

Я сказал, еду!.. Что такое?! *(Растерянно.)* Да, это вы... А я не знаю, какой мне нравится. Надевайте любой. Мне понравится... Екатерине Ильиничне? У нее спросите. Да, да... Вся Москва носит? Даже вся Европа? Ух, ты! А как насчет Австралии? В Австралии, говорю, уже сносили?! Да шучу, шучу я, господа! Наверное, нужно. А вам? Если это такой дефицит! Да нет. *(Усмехнувшись.)* Понимаю. Вы не хотите быть красивой. Да, вам не надо? Ясно. А ей надо. Так...

Слышится звук открывающейся двери.

Минуту, как раз сама пришла. У нее спросите. Катя, тебя!

Входит Она.

Он. Тебя к телефону.

Она (зажав трубку ладонью, шепотом). Кто?

Он неопределенно пожимает плечами.

Кондратюк слушает... А, привет, привет. Только закончили. На должной высоте! Ну, еще бы! Довольна! Еще бы! Каждому и отдельный номер! Экскурсии по всей области! И буфет! А как же без икры! (Смеется.) Русская кухня!.. А кто же ее не любит! Я вот по всей Европе прошлый год промотала, а мне их деликатесы в горле сухомыткой застряли! (Слушает.) Точно! (Ему.) Там в передней возьми пакеты. (В трубку.) Это я не тебе... Нет, я хотела голубой. Нет, нет, не надо. Пусть будет розовый. Сегодня не стоит. Занеси во вторник. Да, узким кругом. Я, Андрей. Шестаков? Будет. Конечно, с женой. Спасибо, тебя также. (Положив трубку.) Ну, все... (Оглядываясь.) Да что это ты! Через час за стол, а у тебя конь не валял. А ну давай, давай быстренько! (Сует ему в руки блюдо.) Вот так! Вокруг положи картошку, Осторожней. Сюда твой тюльпан из лука. Ну, и огурчики... Господи! (Падает на стул, сбрасывает туфли.) Сдохнуть можно! Ходули чертовы! Десять сантиметров! Вознесли бабу! Землю пяткой топтать надо!.. Чего стоишь? Кинь мне тапки!

Он ищет место на столе, куда поставить блюдо.

Бедные мои ноженьки! И ведь не молоды! (Кокетливо.) Не молоды! А ничего еще! Верно? Ничего! На полголовы над мелкотой этой! Мужик, даже импортный, крупность любит! Насмотрелась я зимой на их баб! Галантерейны! Модны! Вымыты! Волосок к волоску! Как с картинки! А стати нашей в них нет. Ну нет! И взять неоткуда! Сами они это чувят. Да что же ты с блюдом маешься! Неси в кухню. Да что же ты делаешь?

Он. Ухожу я от тебя, Катерина.

Она (не слушая). Очень хорошо! Только раскардели этот надо до конца довести. Ставь блюдо на стол. Ты что к нему приклеился? (Вырывает у него блюдо, ставит сама.) Руки не оттуда растут! Режь колбасу! Ну, мужик пошел! Что, я Шестакова за такой стол посажу?! И побрейся! Рубаху надень кремовую! Носки светло-коричневые. Галстук ржавый,

Он. Подожди, Екатерина. Ты слышишь, что я тебе говорю. Я от тебя уйду.

Она. Чего?

Он. Совсем уйду.

Она. А, это ты про что?

Он. Про нас.

Она. Нашел время! Того и гляди, гость пойдет!

Он. Ну, ладно! Гостей без меня встретишь. *(Идет к двери.)*

Она *(догоняет его)*. Ты куда?

Он *(повторяя)*. Я сказал.

Она. Не понимаю.

Он. Поднатужься. Я, видишь ли, меняю свою жизнь.

Она. Зачем?

Он. Надоело убеждать себя в том, что я тебя люблю.

Она. Так...

Он. Надоело надевать ржавый галстук к твоему желтому платью!

Она. К зеленому.

Он. Надоело работать у тебя мужем! Вот ведь какая история! Понятно?

Она. Нет.

Он. Ладно. Давай еще раз попробуем. Ты сядь. Сядь, у тебя ноги устали.

Она. Я слушаю.

Он. Можно работать. Прославиться трудом. Получить от этого удовлетворение.

Она. Ну!..

Он. Можно добиться власти. Машин. Квартир. Дач. Многих мужиков. Баб.

Она. Ну!..

Он. Но это не будет счастьем. Без любви не может быть счастья. Понятно?

Она молчит.

Мужик, имевший много баб, ищет в конце концов одну. Какую-нибудь особенную? Нет. Любимую.

Она. А что это такое, Андрюша,— любимую?

Он. Не знаешь?

Она. Знаю. Я-то знаю. Я хочу, чтобы ты сказал. Что ты об этом понимаешь.

Он. Ну, ладно, я пошел.

Она. Понятно. Нечего объяснить. Новой бабы захотелось. Это бывает. Чего испугался? Естественно, семнадцать лет спина об спину, душа в душу!

Он. В душу... Да если б я семнадцать лет в твою душу смотрел — моя б окаменела!

Она. Чего кричишь! Тише, тише.

Он. Надо бабу — без тебя найду! Разрешила! Вот уж тут, слава богу, без твоей резолюции обходился! Ну, чего смотришь! Не знаешь, о чем говорю! Все семнадцать лет не знала? Или делала вид, что не знала? А почему? Я-то ведь и не очень скрывал. Совсем не скрывал. Все думал, когда же она взбесится. Не дождался! Сам подышать стал! Не хочу! Не хочу! Любить хочу! Жить! Жить хочу!

Она. Живи, Андрюша. Конечно, живи. Подышать не надо. Кричать тоже. Смотри, губы посинели. Не надо. Это нехорошо. Какой же праздник такому синюшному! Праздника хочешь — готовь себя к нему. Не трепыхайся. Уходить собрался? Ты уходи. Никто не держит. Только побрейся. Рубахи сложи, чтоб не подумали. От меня ведь, не от кого-нибудь уходишь. Ежели жена запустила, от таких бежать — грош цена этому побегу! Это не ценится. Ты уж холеным, аккуратным беги. Красивеньким. Мы, бабы, красивых и сильных приваживать любим! Не какую-нибудь там хлябь!

Звонит телефон.

Возьми трубку! Возьми. Может, она звонит.

Он. Она не позвонит. *(Берет трубку.)* Да...

Она. Откашляйся. Продышись. Голосом твердым говори. Говори. Я тебе подсказывать буду. С женой объяснился. Плачет. Криком кричит. В ногах валяется. Босая и растрепанная. Дурища... Говори, говори. Я ведь, правда, босая. На кого же ты меня, миленький, покидаешь! Как же я теперь буду без тебя! Говори же! Потому как — если не пускает, значит, любит... Если жена любит, если ей нужен — другой еще нужнее будешь. Да говори же!

Он. Да... И вас также. Екатерину Ильинишну? Сейчас.

Она. Я плачу и рыдаю. И подойти не могу!.. Чего остановился. Говори.

Он. Это Шестаков.

Она. Ну и прекрасно. Глава города — первому знать надо, что Кондратюк муж бросает. Без всяких там сплетен. Напрямик. Говори. А хочешь, я скажу, что я бросаю? Что надоел мне? Хочешь? Может, так лучше тебе будет, тебе и бабе той, а, Андрюша?..

Он (*в трубку*). Она, простите, в ванной. Сейчас. Сейчас. Конечно. Одну минуту. (*Тихо.*) Подойди же!

Она (*берет трубку*). Олегу Николаевичу привет!.. Какой там душ! Да что вы!.. Не до душа! Семейные проблемы решаем... И до нас докатилось!.. Веяние века, а как же! Надейтесь, надейтесь, Олег Николаевич, Управляюсь. И без посторонней помощи! (*Смеется, слушает.*) Конечно! Женщина она у вас красивая. Навсегда ваша. Оттого всегда красива будет. В любом платье. Праздничном, будничном. Какое выберете, то и наденет. Я вот тоже перед Андреем сейчас все тряпки выложила. Конечно, для вас стараемся. А для кого же! Что скажет, то и надену! Верно, Андрюша?.. Да, он черное вытащил. Молодец, красиво! Умница! А я про него совсем и забыла... Что, Олег Николаевич? Когда сможете! Мы через десять минут готовы будем. Да подожди, Андрей! Подожди! Господи, ну и мужик пошел! (*Смеется.*) Конечно, соскучился! Вечер да ночь — сутки прочь. Подожди... Ну, что вы, почему через час! Олег Николаевич. Милый, нам так много не надо. Да, да, жизнь приучила. Точно, жизнь кого хошь приучит. Да!.. Ну, это молодняку рук да часов для ласки не хватает. А мы юбилейные скоро! Семнадцать лет в октябре. Андрюша, мы ведь на Октябрьские поженились? Точно, на Октябрьские! Хорошо, Олег Николаевич, ждем. (*Кладет трубку, смотрит на мужа.*) Дай-ка сигарету. Спички. Вот так. Спасибо. Ну?

Он. Что ну?

Она. Говори.

Он. А я все сказал.

Она. Так не говорят. Ты попроще, Андрюша. Поточнее. Потому, как потом тебя по-другому спрашивать будут.

Он. О чем? О том, что я не люблю тебя?

Она. И об этом тоже. Обо всем. Ты ведь не мальчик вчерашний. Даже не просто служащий. Ты на виду. Как и я. Мы оба. С обоих таких — и спрос иной. Обязательства жестче! За наши блага — и ответы другие. Ну, чего говорить, сам все знаешь. Иначе с таких спрашивают. Чего так глядишь? Не знаешь, что иначе?

Он. Ты жуткая баба! Ты... (*Задохнувшись.*)

Она. Говори. Говори. Чего остановился?

Он. Со всей своей статью!

Она. А статья при чем?

Он. Тебя муж бросает! А ты — обязательства! Тебя

не любят! А ты про место. Про ответ! Про спрос! Тебе бы действительно — на пол! В ноги! И в голос!

Она. Это зачем, Андрюша?

Он. Не зачем. От обиды. От боли. От страха. Если есть в тебе страх какой-то. В каждом ведь человеку он есть.

Она. Какой он, этот страх?

Он. Не знаю! Бед! Пожарищ! Хвори! Стихийных бедствий! Страх потери! Болезнь сердца! Души! Всего, от чего в жизни не застрахован! Страх одиноких ночей! Таких, чтоб волком выть! Не знаешь? Не пробовала?

Она. Нет. Бог, как говорится, миловал.

Он. А меня нет. Не миловал. И слава ему! И в ноги за то кланяюсь. А не был бы атеистом и свечечку большую перед ликом бы затеплил!

Она. За что свечечку?

Он. В благодарность. Потому как человек я. Человек! И плохо мне. Страшно, как человеку! Горько! Болеть не разучился. Потерять боюсь. Любви хочу. Ненужным оказаться боюсь. Нелюбимым. Лишусь этого страха, человеком быть перестану. Камень тут внутри, камень тут — смерть, Катерина. Я пока живой.

Она. Вижу. А где твоя власть над собой, Андрюша? Где сила? Воля, что людьми нас сделала? Ее с каких счетов куда скинешь? Над собой, над блажью, над болью — воля! Я человек. И тем горжусь! Боль — переболею. Землетрясение — выстою. Одиночество — не допущу! Волю человеку над собой иметь надо!

Он. И над другими?

Она. Это уж как случится. Надо будет, и над другими. Для их же блага.

Он. Во-от!.. Вот оно самое! Не только свою, других волю — и навеки! И в карман! И чтоб не пикнули! Во (сжал кулак) где они у тебя — воли чужие! За других знать! Желать! Всех на своей колодке распялить! И не пикни! Это тебе дали? С этим тебя над людьми возносили?! За это тебя со ступеньки на ступеньку вверх протасили?! Так, что ли?

Она. А хоть и так. Людей спроси — плохо я думаю? Плохо жизнь их решаю! Себе пользу-выгоду, что ли, от них имею! Когда ногами они в уюте спят — я за них ответ держу!

Он. Перед кем?! Перед кем-ответ держишь? Кому

этот ответ нужен? Ты же обездолила их! Решимости, воли, всего лишила! А что взамен?

Она. Не кричи!

Он. Надо же, чтоб хоть раз кто-нибудь тебе правду сказал! Может, опомнишься, может, страшно самой себе станет?!

Она. Разве ты меня другой видеть хотел?

Он. Я тебя?.. Такой?!. Да от такой бежать! Бежать без оглядки! Пока сам человеком быть не перестал!

Она. Дверь в переднюю закрой.

Он. Боишься, услышат?

Она. Это не интеллигентно — на всю лестничную клетку. На нее только помойные ведра выставляли. Да и то раньше! А теперь в мусоропровод. Не хочу.

Он. Ладно. Я пошел. Бесполезно. Да и уже все сказал.

Она. Что же ты все семнадцать лет такое, Андрюша, в себе копил? Не задохнулся? Нет?

Он молчит.

Тогда полчаса еще вытерпишь.

Он. Что тебе еще надо? Не поняла?

Она. Нет. Ты скажи. Не бойся, долго не задержу. Скажешь и пойдешь. К ней пойдешь. Ждет небось уже? Я ее знаю? В какой системе работает?

Он. Нет.

Она. Да, наверно. В нашей я всех насквозь вижу. В нашей уже таких нет.

Он. Каких таких?

Она. Которые землетрясений боятся. Страх в себе растят! Нет! Мы с такими давно...

Он. Да, да, конечно! Ты б их и не потерпела! Это точно!

Она. Ладно, не в ней счастье. Отзвони. Скажи, сейчас будешь. Сейчас... *(Сидит, закрыв глаза.)*

Он. Катерина! Ты что?

Она молчит.

Тебе воды? Может, капель?

Она. Мне капель? Нет, нет! Мне капли ни к чему. Сейчас... Это так.

Он. Не надо, Катерина. Ты чего! Перестань!

Она. Я ничего... Открой винцо. Лучше красенького. И поровну.

Он. Ты уж, Катерина, прости.

Она. Чего простить?

Он. Мне тишины и покоя захотелось. Доверчивости. Чтоб не она, а я ее за руку, и вел. Худо-бедно — выведу. Плохо-слабо — плечо подставлю. Сама про себя не знает — я расскажу. Может, еще не такая — такой будет. Потому как мне поверит. Раз увидел, есть в ней все — все и будет! Никуда не деться!

Она. А не обманет?

Он. Кто?

Она. Та, о ком говоришь!.. Не усмехайся, Андрюша. Или сам обмануться можешь. Можешь. Все ведь уже было. Вспомни стройку. И меня за руку вел. Через грязь и ухабы... Мне на меня же глаза открыл. Меня такой, вот как есть, ты сделал!

Он. Нет! Не я!

Она. Ишь, испугался! Бровями задвигал! Губами задрожал! Ты не бойся. Ты не бойся. Сама я боюсь. Иногда. Если бюллетень себе открываю. Или на первую ступеньку в поезд вхожу.

Он. Ты самолетами летаешь! Поезд для тебя долго!

Она. И опять прав. Я ведь что! Прав, и молчу. Ну, не в поезд! Ну, когда по городу мимо заборов строительных иду. Там, где краны туда-сюда вдоль неба гоняют. Поверишь, вот тут вот защемиг.

Он. Не поверю.

Она. А я верю. И мне тогда хочется жить, понимаешь? Ничего не достигая, не суесться. Не соперничая. Для пользы рода. И чтоб дом большой. Семья. Чтоб не два, двадцать человек за стол враз садились. Всем и хлеб! И место! И чугунок! Где моя большая ложка? Где моя маленькая ложка? *(Плачет.)* Дай платок.

Он. Катерина, не дури!

Она. А почему? А разве нельзя? Мне нельзя? Чем я других хуже? А где волчий вой? Где страх потери? Неужто за начальственным столом все ушло? Нет, Андрюша, нет. Я ведь просто в кулаке себя держала. А сейчас — нет. Сейчас не хочу!.. Девчонку ту, в драных чулках, с вечно мокрым носом, которую ты на танцплощадке отметил, семнадцать лет к себе не допускала! Даже во сне! Ты помнишь, что ты мне тогда сказал?

Он. Помню, Катя.

Она. Все помнишь? Каждое слово?.. Или что поза-

был? Я тебе нашепчу. Нашепчу... Потому что я за двоих помню. И какой меня видеть хотел! И какие силы потайные во мне угадывал! И как робость из меня, как дурную хворь, выгонял! Железной как делал! А ведь вначале не для себя, для тебя, Андрюша, старалась! Не себе, тебе дипломы да отличия по верхним ступенькам вперед несла. Мой, моему!.. Для моего! Чтoб любил! Чтoб гордился! Если другие любят, если гордятся — самому любить не стыдно. Так?

Он. Нет, не так, Катя.

Она. Погоди, не сбивай... Не надо. Ты же такой добрый был. Осторожный. Рукой обидеть боялся. Взглядом. Сейчас не обижай. Сейчас обидеть еще легче. Я вот она — я вся на ладони. И опять лихоманка бьет! Только травы все позабыты. Только травы, как сорняк, с грядки выдернуты. За ненадобностью.

Он. Поздно опомнилась, Катерина.

Она. Знаю. Сама знаю. Поздно. Я ведь что! Не держу. Вот дверь. Открыта. Вот я... Иди. А что поперек босая в ноги лягу... так ничего. И перешагнуть можешь. Ведь перешагнешь, Андрюша, а? Или не перешагнешь? Перешагнуть просто. Ты только глаза зажмурь. Потому, как я, в ногах валяясь, снизу вверх в твои глаза смотреть без отрыва буду. Вот так!

Он. Не юродствуй, Катя! Самой потом тошно будет. Подымись. Лицо умой. Через полчаса гости придут. Тебе в таком виде нельзя! Нельзя! Платье надень. Причешись. Ну!..

Она. Какое надеть?

Он. Что, какое?

Она. Платье какое? Зеленое? Или новое, в складочку?

Он. Какое хочешь.

Она. Я никакого не хочу... Мне бы рубаху сейчас белую. И ворот распахнуть. Душит тут что-то! Ты иди... Иди, Андрюша. Чего со мной тут сидеть.

Он. У меня есть еще время. Немного.

Она. Только побрейся. И костюм другой надень. Вчера утром из чистки принесли. Или лучше тот, финский.

Он. Да, тот, пожалуй, лучше.

Она. Вещи я тебе соберу. На неделе отправлю. Ты адресок оставь. С водителем отправлю. А может, сам зайдешь. Нет, самому не надо. А людям что говорить, Андрей? А, ладно, что-нибудь придумаем. Придумаем.

Куда денемся. А может, лучше тебе уехать? Ну, чтоб уж никаких!

Он. Наверно, лучше.

Она. Только вот проект твой с января в дело пойдет. Проекта жалко. Я днем в том районе проезжала. Пустырь уже расчистили, заборы ставят. Шестаков после праздников начнет. Проекта жалко. Ночей ведь не спал. Не пил. Не ел.

Он. Я Аркадия Ивановича попросил присмотреть.

Она. Свой глаз, Андрюша, нужен. Свой. Ладно, ерунда! Аркадий Иванович присмотрит, конечно. И Шестаков. Ну и я. Я ведь тоже, как же не присмотреть. Ведь как свое. Не отнимешь. Как свое! А может, и не надо тебе переезжать. В сорок лет, на новом месте, заново. Нет, не надо, Андрюша. Не надо. Эка невидаль, муж с женой разбежались. Правда, молодым пример какой! А, да ладно! Чего сидишь? Собирайся.

Он. Слушаю.

Она. А ты не слушай. Мало ли, что брошенные бабы говорят. Не слушай. И лицом не туманься! Господи, Андрюша! Неужели это мы с тобой? Мы — и о таком говорим?! Так?.. И ничего не сделать? Не выправить? Нет?

Он. Не знаю.

Она. Не такое ведь еще выправляли. Чужая семья потемки. Не такое. И ничего. Живут! Душа в душу. Да!

Он. О чем ты?

Она. Так, глупости бабьи. По глупости и ляпаю невесть что... Вот и Шестаков прошлым летом в Москве три месяца был. Вернулся. Худел. Маялся. Кто-то и его, наверное, зацепил. Как маялся! Лицом почернел, ссохся!

Он. Говорили, язва.

Она. А что было говорить? Молодость, любовь, блажь!

Он. Действительно, что говорить!

Она. Сейчас — опять хорошо. Опять с семьей. И как на ладонях — от ветра оберегают. Любовь вернулась. Или привык.

Он молчит.

Как думаешь, Андрюша?

Он. Да не знаю я! Может, вернулась. Может, привык. Тебе виднее. Десять лет под его началом ходишь.

Она. Да... Да... Олег Николаевич. Да. Он тоже. Ни-

чего. Сейчас придут — увидишь. Ничего не заметно. Присматриваться будешь — не поймешь. Сам он, наверно, уже тоже забыл. Цвет лица прежний. По утрам в городском саду в майке по морозу бегают,

Он. В майке не стоило б.

Она. Почему? Здоров как бык. Не прохватит.

Он. Как-то уж очень демократично. Глава города. И в майке. Каждый увидеть может!

Она. Дурачок! Может, он затем и бегают, чтоб на минутку таким его увидели! Как за ту минутку любить будут! А верить! А бояться! Не меньше!.. Господи, чего ж это мы сидим! Они ведь уже небось сюда катят! Вставай, Андрюша. Вставай. Шевелись. Бутылочки в центр не надо. Лучше на край. И все вместе. Немцы, они в празднестве толк знают. Этого у них не отнять. Я весной там насмотрелась. Кое-что и нам сгодится. Если хорошо, красиво — мы что? Мы возьмем. Это только глупые да слабые чванливы. А мы себе это позволить можем! Верно говорю? Ставь бутылки...

Он. Что же мы с тобой, Катерина, делать будем?

Она. Хорошо поставил. Молодец. Вот так. Чего делать? Скажешь тоже! Заботиться друг о друге. И ни словом, ни взглядом. И никогда! Знаешь, какие о нас в городе легенды ходят? О нашей семье. Не слыхал?

Он. Слыхал.

Она. И дальше то же самое будет. А может, лучше. Это уж от нас только зависит. *(Надевает туфли.)* Ох, опять на эту верхотуру влазить! А как хорошо, как радостно пяткой землю! Да, Андрюша, ты мне все-таки скажи...

Он. Что сказать?

Она. Ну, кто это...

Он. Зачем?

Она. Должна же я знать, кого я хуже. Может, дотянусь.

Он. Ну, уж нет. Ее тебе знать незачем. Не моя она. Не была моей. За что и ее... знаты! Нет, Катерина.

Она. Вот глупый. Я ее и глазом не трону.

Он. Ни к чему. Не была. Все. Точка.

Она. Ты скажи, скажи. Исправлюсь. Дотянусь. Не веришь? Нельзя мне без тебя, Андрюша.

Он. Это уж точно.

Она. Какой скажешь, такой и буду. Что захочешь, в себе найду.

Он. Да. Нельзя тебе без присмотра.

Она. Я ведь о ней. Только за тем, что мне не хватает взять... А то ты опять к ней захочешь.

Он. Нет. Не захочу. Только ее не трогай. Не захочу. А захотелось бы, и не дойти мне... такому.

Она. Какому такому?

Он. Такому, как есть. Может, если б пораньше. А сейчас!..

Она. Это ты брось! Это уж ни к чему. Такому! Раньше!.. Ронять себя зачем! Не только ей, ты всем нужен. Такой мужик!.. Уж если я тебя отметила. Рожей об пол в кровь, если билась! Да ты всему бабьему населению в области нужен будешь! На любовь и зависть!

Звонок в дверь. Другой... Подряд несколько звонков.

Чего стоишь? Слышишь! Гость пошел. Иди, открывай.

Он идет к двери. Она одергивает край скатерти, переставляет бокалы.